

поэга и отличающее его от прочих смертных, как на средство познания и преобразования действительности. Предромантический идеал «гения», творящего по наитию, противостоит наемнику-профессионалу, «усиливающемуся писать», как говорили в XVIII в., по велению начальства или ради презренного металла.

Одним из первых на новом этапе вступил в борьбу с господствующими взглядами на литературу М. Н. Муравьев, который уже в 1775 г. осмыслил созидательный характер творчества:

Стихотворство нам открыло
Путь в лазурны небеса,
Стихотворство сотворило
И богов и чудеса. . .²¹

В письмах и заметках Муравьева можно обнаружить весьма интересные материалы, касающиеся как самого литературного сервиллизма, так и его следствий. Так, 7 августа 1777 г. Муравьев писал отцу: «Недавно видел я стихи г. Рубана к Семену Гавриловичу Зоричу, за которые получил от государыни золотую табатерку с 500 червонных. Не можно вообразить подлее лести и глупее стихов его. Зачинает с Илии пророка, которого равняет шведскому королю, а Зорича Елисею. Пишет, что, как шведский король облек его геройскою славою (т. е. наградил орденом Меча. — В. З.), Зорич наш и удивился. Какая прекрасная позитур! Я бы хотел посмотреть: просит Зорича, чтобы он явленную добродетель всегда оказывал и продолжал. — Нельзя всего перечесть. Со всякого стиха надобно разорваться от смеху и негодования».²² А в следующем, 1778 г. сам Муравьев написал сказку «Живописец» (напечатана в 1779 г.), которая от начала до конца посвящена мысли о необходимости творческой независимости в искусстве: богатство, почести, сама близость к сильным мира сего (пусть даже «художеств благодетелю!») неизбежно влекут за собой утрату дарования.²³

Наконец, существовал еще третий путь, достаточно распространенный в среде русских поэтов, — это путь, который совмещал серьезнейшее, профессиональное внутреннее отношение к литературе с демонстративной внешней позой поэта-дилетанта. Причины понятны и тут: отвращение к сервильной морали вообще и литературному сервиллизму в частности. Тот же Муравьев зафиксировал ход этого процесса у одного из своих ближайших друзей: «Ханыков от омерзения Рубана перешел к омерзению стихотворства».²⁴ Тем не менее В. В. Ханыков, хотя и редко вы-

²¹ Муравьев М. Н. Стихотворения. Л., 1967. С. 120.

²² Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 269. Выдержки из стихов Рубана, пародийно изложенных Муравьевым, см.: Там же. С. 367.

²³ Муравьев М. Н. Стихотворения. С. 174—176. В дальнейшем мысль о независимости художника будут настойчиво развивать Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев и другие литераторы-сентименталисты.

²⁴ Там же. С. 25.